

Игорь Рабинер

СПАРТАКОВСКИЕ ИСПОВЕДИ

**БЛЕСК 50-х И 90-х, БЕДА 70-х,
ЭСТЕТИКА 80-х, КРАХ НУЛЕВЫХ, ЧУДО-2017**

Игорь Яковлевич Рабинер
Спартаковские исповеди.
Блеск 50-х и 90-х, эстетика
80-х, крах нулевых, чудо-2017
Серия «Спорт изнутри»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68962230

*Спартаковские исповеди. Блеск 50-х и 90-х, эстетика 80-х, крах нулевых, чудо-2017: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-184530-8*

Аннотация

Футбольный «Спартак» переживал разные времена. Долгосрочные взлеты 50-х и 90-х, когда красно-белые были доминирующим клубом СССР и России. Достаточно стабильные 60-е с двумя чемпионствами. Катастрофу 70-х, когда самый популярный клуб страны опустился до вылета в первую лигу. Триумфальное возвращение, золото 79-го и красивую игру в 80-х – это была декада эстетики. Падение 2000-х после увольнения Олега Романцева. Золотое чудо 2017-го при Массимо Каррере после 16 лет без чемпионства.

Обо всех этих событиях во втором томе «Спартаковских исповедей» расскажут сами их герои. У каждого десятилетия,

начиная с 50-х годов прошлого века и до сегодняшних дней, – свой спикер, а то и два-три. Игорь Рабинер в разные годы подробно говорил с каждым из этих людей – от Анатолия Исаева до Валерия Рейнгольда, от Анатолия Крутикова до Георгия Ярцева, от Юрия Гаврилова до Дмитрия Аленичева, от Станислава Черчесова до Валерия Карпина, от Романа Павлюченко до Дениса Глушакова. И из их уст вы услышите, как взлетал, падал и снова взлетал «Спартак», отметивший в 2022 году столетие.

В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Отзывы	8
Анатолий Исаев. «Ради “Спартака” Старостин даже не обедал!»	11
Геннадий Логофет. «Рокфеллер бы в гробу перевернулся!»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Игорь Яковлевич Рабинер

Спартакoвские исповeди.

Блеск 50-х и 90-х, эстетика 80-х, крах нулевых, чудо-2017

© В оформлении обложки использованы фотографии:

© Юрий Сомов, Михаил Фомичев, Владимир Родионов, Александр Вильф, Сергей Пивоваров, Владимир Федоренко, Максим Богодвид, Владимир Сергеев / РИА Новости;

© Dmitry Korotayev / Epsilon / GettyImages.ru

© Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Уткин Игорь, Сенцов Александр, Филиппов Алексей, Яковлев Александр, АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВ, Кузьмин Валентин, Коротаев Артем, Жуков Вадим, Лизунов Юрий, Матшин Валерий, Савостьянов Сергей, Фотохроника ТАСС / ТАСС / Legion-Media;

© Сергей Гунеев, Юрий Долягин, Владимир Федоренко, Михаил Фомичев, Владимир Родионов, Александр Вильф, Юрий Сомов, Анатолий Сергеев-Васильев, Антон Денисов, Алексей Филиппов, Дмитрий Донской, Уткин Игорь, Сенцов Александр, Филиппов Алексей, Яковлев Александр,

Александр Федоров, Кузьмин Валентин, Коротаев Артем,
Жуков Вадим, Лизунов Юрий, Матыцин Валерий / РИА Но-
вости

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Москва 2023

Еще со времен первого главного редактора «СпортЭкспресса» Владимира Кучмия в нашей редакции бытует поговорка: «Спартака» в «СЭ» много не бывает!» Красно-белые – команда настолько популярная, что новостей и материалов о ней читатель ждет каждый день и в любых количествах.

Но писать о «Спартаке» можно по-разному. Игорь Рабинер с первых лет жизни «СЭ» делает это не поверхностно, а с талантом, глубиной и... любовью, которой почти не скрывает. Репортаж о победном финале Кубка России 1994 года, первом для спартаковцев в новой стране, вышел в нашей газете за его подписью! Так постепенно наш обозреватель и превратился в бесценного автора, на глазах которого прошла вся история «Спартака» российских времен – тогда как исто-

рией советских он был увлечен с детства. Недаром его вымпелы с автографами спартаковских звезд 80-х годов красуются в музее «Спартака», которым руководит еще один бывший журналист нашего издания Алексей Матвеев!

В этом году «Спартаку» – сто лет, и я не сомневался, что признанный спартаковед Рабинер не промолчит, посвятит этой дате книгу. Оказалось – даже двухтомник. В нем история великого клуба рассказывается голосами тех, кто ее творил, – футболистов, тренеров, руководителей, комментаторов. Идея, на мой взгляд, замечательная. Еще и потому, что в исполнении автора каждый герой говорит не как все, а своим, ни на чей не похожим голосом. Для каждого болельщика красно-белых, убежден, это обязательное чтение.

МАКСИМ МАКСИМОВ, *главный редактор*
«СпортЭкспресса»

ОТЗЫВЫ

«В этой книге я в каждой истории того или иного человека вижу свою настоящую боль за родной клуб. Мне было интересно все это читать. Каждый хотел чем-то помочь ”Спартаку“».

Евгений ЛОВЧЕВ, чемпион СССР 1969 года, лучший футболист Советского Союза 1972 года

«Книга – очень интересная. Желая, чтобы тираж ее был не 20, а 200 тысяч! Ведь спартаковских болельщиков – миллионы! В издании действительно присутствуют прекрасные личности. И там раскрывается характер каждого из собеседников. Спасибо тебе, Игорь!»

Геннадий ЛОГОФЕТ, июнь 2011 года, из презентации первого издания книги в Центральном доме художника на Крымском Валу

«По моему глубокому убеждению, эта книга полезна для поклонников ”Спартака“ всех возрастов. Я сам спартаковец с 1985 года и для меня ”быть спартаковцем“ значит многое – можно сказать, формула самоопределения.

Безошибочно верное решение – прямая речь легендарных игроков всех времен, точно и тонко передающая настроение, атмосферу известных фактов, а также событий, о которых до этого момента мы были

пока лишь наслышаны. Со всей искренностью надеюсь, что эта книга послужит прекрасным ”допингом“ к победным временам».

Денис МАЦУЕВ, пианист, болельщик «Спартака»

«Читатель чувствует себя погруженным в мир роковых страстей, жестокой вражды и пылкой дружбы, в мир фантастических интриг и затяжных коммерческих войн. Если он узнает, что все это из-за простого кожаного мячика, то половина впечатлений теряется. Поскольку я ничего не понимаю в футболе, для меня книга Рабинера – удивительная повесть Шекспира с Оуэном и Жюлем Верном».

Дмитрий БЫКОВ, писатель, февраль 2011 года

«Сверхидея автора – связать поколения спартаковцев откровенными рассказами о себе. ”Дедушка“ Симонян встает к исповеди, и журналист в сутане непринужденно включает диктофон, чтобы однажды ”внук“ Павлюченко узнал, чем жил легендарный бомбардир. Потом они меняются местами, а контора пишет. К общему знаменателю все монологи сводят киты спартаковской истории – Старостин, Бесков и Романцев.

Самая пронзительная интонация в рассказе: Владимир Маслаченко. Этот голос мы вживую больше не услышим никогда. В записях, в том числе и диктофонных, он, без сомнения, сохранился десятками копий, но Рабинеру действительно удалось переложить

строй речи Никитича в знаки на бумаге».

Роман ТРУШЕЧКИН, журнал ProСпорт

«Автор выстраивает исследование с помощью монологов. Симонян, Ловчев, Дасаев, Тихонов и многие другие герои видят ситуацию в клубе по-своему. В этих противоречивых наблюдениях и заключена соль. Солит Рабинер умело, оттого и книга читается на одном дыхании. Иногда даже со скупой спартаковской слезой».

Павел ВАСИЛЬЕВ, журнал «Московский спорт»

«Свой дух и традиции, юмор и отношение к ветеранам, и еще терпение, о котором так захватывающе – заслушаешься – говорит Георгий Ярцев. Все это укладывается в слово "история". В этой книге их собрано очень много: забавных, трогательных, красивых, ошеломительных, страшноватых, таких, в которые с трудом верится, но все-таки верится. Это же, как-никак, футбол, – значит, все может быть».

«Книжное обозрение»

Анатолий Исаев. «Ради “Спартака” Старостин даже не обедал!»

Я всегда считал Дом футбола на Таганке средоточием официоза и конъюнктуры. Но после 2010 года мое отношение к нему полностью изменилось, и когда впоследствии я услышал, что его собрались то ли закрыть, то ли перепрофилировать, мне стало немного грустно.

Потому что в 2010 году в этом нарядном желтом здании мы разговаривали с Исаевым.

Встретились в эпицентре живого, не заформализованного разговора о футболе в офисе РФС – кабинете Никиты Симоняна. Почти шестьдесятю годами ранее два этих легендарных человека впервые вместе вышли на поле в красных футболках с белой полосой – от одной этой мысли бросало в почтительную дрожь. Не говоря уже о том, что в 1956-м, за сорок четыре года до нашей беседы, они в Мельбурне завоевали золотые медали Олимпийских игр. Вместе они трижды становились победителями союзного первенства в роли игроков «Спартака», в 1962-м главный тренер Симонян привел к чемпионству капитана команды Исаева, а в золотом 1969-м Анатолий Константинович уже помогал Симоняну в тренерском штабе. И Никита Павлович говорит, что лучшие ассистента, чем Исаев, у него в жизни не было...

78-летнему (на то время) Анатолию Константиновичу уже было трудно ходить, но неистощимый на идеи Симонян увлекал его всевозможными ветеранскими затеями, к которым Исаев не мог оставаться равнодушным. Потому и не засиживался дома, ехал к другу на Таганку. За одно то, что благодаря Симоняну ветераны всегда чувствовали себя востребованными, Никите Пальчу нужно в ножки поклониться.

А еще – отдать должное тем, кто придумал ежемесячный турнир «Негаснущие звезды», во время которого мы и договорились об интервью. В тот октябрьский день в динамовский манеж пришли все четыре спартаковца – олимпийских чемпиона 1956 года: Симонян, Исаев, Ильин и Парамонов. Последний, хорошо знавший французский язык, однажды спросил Мишеля Платини:

– Есть ли еще где-нибудь в Европе такие турниры для ветеранов?

– Мне о таком неизвестно, – покачал головой великий француз, тогдашний президент УЕФА. – У меня на родине – точно нет.

А ведь какими счастливыми хотя бы на несколько часов благодаря этому соревнованию становятся люди, которые когда-то дарили столько радости болельщикам. Вспомнить былое (тем, кто помоложе – прямо на поле, а кто постарше – просто в общении), с головой окунуться в прежние годы – есть ли лучший способ для того, чтобы жизнь вновь

наполнилась смыслом, чтобы ушло ощущение «все лучшее уже позади»?

Проговорили мы почти четыре часа – так, что даже проходивший мимо нас тогдашний президент РФС Сергей Фурсенко забеспокоился о последствиях этой марафонской беседы для здоровья Исаева. Когда диктофон был выключен, я извинился перед Анатолием Константиновичем за то, что отнял у него столько сил.

– Да что ты! – махнул он рукой. – Мне, наоборот, разговор легко и приятно дался. Вспоминал-то о вещах, которые мне так дороги...

Весной 2007-го на огромном поле аэродрома в Тушине именно Исаеву было доверено зачитать послание к потомкам, заложенное в капсуле в фундамент будущего спартаковского стадиона. В первом издании «Спартаковских исповедей» в 2011-м я писал: «Дай бог, чтобы Анатолию Константиновичу и другим великим красно-белым старикам довелось посмотреть с трибуны нового стадиона "Спартак" первый матч, о котором мечтали столько поколений игроков и болельщиков...»

Исаев – успел. Причем побывал он не только на арене в Тушине, открытой в 2014-м, но и в чудесном клубном музее. Торжественная церемония его открытия состоялась 26 марта 2016-го, и туда пришли три олимпийских чемпиона-1956 – Симонян, Парамонов и Исаев.

Жить Анатолию Константиновичу оставалось счита-

ные месяцы – в июле того же 2016-го его не стало. И единственного пока чемпионства, добытого на новой красно-белой арене в 2017-м, он не увидел...

* * *

Предложение зачитать послание к потомкам стало для меня интересным и неожиданным. Обычно у нас Симонян с Парамоновым в торжественных случаях подобающие слова произносят. Я же – вообще не говорун. Будь у меня речь получше – может, и главным тренером стал бы.

Но тут ни Никиты Палыча, ни Алексея Александровича в Москве по каким-то причинам не было. И эту честь оказали мне. Узнал я об этом прямо там, в Тушине. Попросил только о возможности с текстом заранее ознакомиться – не буду же читать его, не зная, о чем речь идет!

Нам ведь еще в пятидесятых руководители обещали построить для «Спартака» стадион – правда, в Сокольниках. Я еще, помню, пошутил, что, когда построят, мы уже закончим играть и будем стоять у входа контролерами. А потом – то денег нет, то землю не дают... Так до сих пор и ждем.

Конечно, мечтаю и сходить на первый матч. Правда, если врачи пустят. А еще – если пригласят. Я ведь много последних лет почему на футбол не хожу? Пришел как-то еще на старый «Локомотив» – кто играл, не помню. У меня было только удостоверение заслуженного мастера спорта СССР.

На входе спрашивают:

– Что это такое?

– Пропуск на все стадионы России, – говорю.

А они мне:

– Не знаем такого пропуска.

Полчаса уговаривал, объяснял, что олимпийский чемпион. Так стыдно было... Какая-то женщина мимо прошла – ее сразу пропустили. Я возмутился:

– Как же так?

– У нее пропуск есть, а у вас – нет.

Хорошо, что меня администратор «Локомотива» Анатолий Машков увидел – и тут же провел. А если бы его там не оказалось?

И я сказал себе – все. Тем более что публику нынешнюю, признаться, даже боюсь. Помню, в 1993 году, после тяжелой болезни, едва выйдя из больницы, пошел на какую-то игру «Спартака». Слабенький еще был – и ехал с ними в метро после матча. Ладно то, что узнавали только старые болельщики – на другое и не рассчитывал. Откуда молодым-то знать? Но они меня чуть не растоптали! Чувствовал: если сейчас толкнут – упаду и уже не встану. Я ведь тогда заново учился ходить. Врач сказала, что мне обязательно нужно ходить по четыре километра в день. Четыре, конечно, не прохожу, но каждый день час гуляю, невзирая на снег, дождь, жару... Я должен выйти для того, чтобы жить!

Первое мое знакомство со «Спартаком» состоялось в 1947 году – и получилось оно таким же неожиданным, как и просьба прочитать послание к потомкам. Я жил в одном доме с рабочими карбюраторного завода – филиала автозавода имени Сталина, будущего ЗИЛа. То есть место у нас считалось торпедовским. И вот однажды к нам во двор пришел полузащитник «Торпедо» Вячеслав Орлов. Он собирал мальчишек для того, чтобы вручать цветы на финале Кубка СССР между «Торпедо» и «Спартаком». Кажется, тогда мы играли в футбол, – а может, просто стояли и разговаривали. И Орлов меня пригласил. У меня аж дыханье сперло!

Он назначил нам встречу там, где базировался клуб «Торпедо». Нас посадили в автобус вместе с командой и повезли на игру. Я просто обалдел – видеть рядом Пономарева и других игроков! Сидел и дрожал, глядя на них. Но болел-то я не за «Торпедо», а за «Спартак», потому что моя старшая сестра работала там бухгалтером, а потом стала заведующей финансовым отделом городского совета «Спартака». Работать в клубе и не болеть за него в ту пору было невозможно.

Сестра ходила на парад 7 ноября – а тогда одной из его частей был парад физкультурников. И принесла мне оттуда домой спартаковский красный свитер с белой полосой, в котором шла по Красной площади. С тех пор вопроса, за кого

болеть, у меня не возникало. И хоть приехал я в автобусе с торпедовцами, так рад был, что «Спартак» выиграл 2:0!

Всю игру мы организованно сидели на трибуне, а потом, будучи в торпедовских футболках, вручали цветы спартаковцам. Кому именно – правда, не помню. В памяти сохранилось только ощущение радости – но, с другой стороны, и неудобства, что я в майке «Торпедо»... Мне тогда было пятнадцать лет.

Войну мы пережили тяжело. Отец на фронте, сестре тринадцать, мне – девять. Мама работала днем и ночью, чтобы нас прокормить, но были свои обязанности и у меня. В нашем доме была булочная, так я ночь не спал, чтобы затемно занять очередь и первым купить бублики. Их было немного, на всех не хватало.

Но покупал я их не для того, чтобы съесть. А ехал на рынок в Михнево, за сто километров от Москвы. В городе тогда рынков не было – все уничтожили, чтобы диверсанты не навредили. Вскакивал на подножку и в таком положении спал, пока ехал! И как не свалился только? Главным было, чтобы бублики не украли. Продавал их, а на вырученные деньги покупал мороженую картошку. Черную. Вез домой и из отрубей, которые мать где-то доставала, пек лепешки.

Я знал, что такое хлеб. Вижу батон, есть хочется, мать на работе – и я все подрезаю, подрезаю... Она приходит с работы, а там остается всего ничего. Она мне тихо:

– Сынок, не стыдно тебе?

Но как в девять лет поймешь это: купить хлеб – и не есть его? Ели тогда все, что под руку попадалось – и крапиву, и ботву, из них варили пустые щи. Но закалку это дало крепкую.

Еще помогал матери дежурить по дому. Когда подходила ее очередь, а она работала, я лазил по крыше и скидывал с нее «зажигалки» – термитные зажигательные бомбы, которые немцы тысячами сбрасывали во время авианалетов. Одну даже домой принес, да товарищи меня «заложили». Пришла милиция, и маме говорят – ваш, дескать, бомбу взял. Я ее на кухне под стол положил – она такая симпатичная была, вся блестела. А если бы вспыхнула?..

Но в войну мы все же погорели. У нас была одна комната на верхнем, пятом этаже, а на первом жил пожарный. Так он вместо того, чтобы тушить пожар, его, не загасив папиросу, устроил. Полкомнаты у нас сгорело – так и жили. Слышали, как крысы бегали по чердаку: ночью, выходя в туалет, приходилось пошуметь, чтобы твари эти разбежались. Ужасные, короче, были времена.

Но все перевесило то, что отец живым вернулся с фронта. Они с мамой работали в одном сборочном цеху – он кладовщиком, а она слесарем-сборщиком: зеркала собирала. В футбол отец не играл, а я – и в футбол, и во что угодно. Зимой по льду гонял консервную банку. Потом уже, спартаковцем, приехал туда, чтобы посмотреть те места, где начинал. И был потрясен: как там можно было развернуться, если по-

середине двора была песочница, а вокруг – лавочки?! Перекидывали мяч через стенки песочницы – и бегали.

Сколько стекол расколотил! Шлепали за это, конечно. Я во дворе был самым хулиганистым, а иначе в футбол бы и не пробился. Потом играл за улицу, позднее – за район. О настоящих мячах, конечно, и не мечтали. Чулок тряпками набивали, чтобы было что-то похожее на мяч – и носились. Зимой такой «мяч» к валенкам прямо прилипал. Так технику и отработывали...

А сколько ботинок порвал! У матери были туфли с маленьким каблучком, и я приспособил их для игры. Разбил начисто! Она стала искать, а когда нашла, чуть меня не поколотила. А еще у отца были такие рабочие сапоги-«говнодавы». Они под диваном долго-долго лежали, я их откопал, надел – оказались размера на три больше. Как на носок мяч поймал, ударил с лета – тут же разорвались, потому что велики были. Припрятал, чтобы отец вообще о них не вспомнил – но он все-таки нашел. Досталось мне прилично, даже ремнем.

Поэтому родители и не хотели, чтобы я играл в футбол – он у них с порванной обувью ассоциировался. Они не понимали, что за это мне будут платить деньги. Я, правда, тоже не понимал. И даже не осознавал, что играю хорошо. Просто нравилось. Как страдал, когда мать после войны отправила меня в деревню на отдых, а там в футбол никто не играл! Табуны стерегли, спали на стогах, верхом на лошадях ездили – а футбола не было.

Осенью 1951-го тренер московского ВВС Гайоз Джеджева собрал юношескую сборную Москвы из пацанов разных годов рождения – и в Тушине устроил матч со своей командой. Почти там же, где сейчас «Спартак» стадион будет строить! Такой вот оборот судьбы. Территория принадлежала военно-воздушным силам, и был там небольшой стадиончик с двумя финскими домиками, где мы переодевались и принимали душ. Так я в первый раз сыграл против команды мастеров.

Увидел тогда знаменитого вратаря Михаила Пираева – и так испугался! Страшнее человека не было: усищи, нос, глаза, шаровары втрое шире него... Кто мог подумать, что совсем скоро мы с ним вместе будем за «Спартак» играть и чемпионами станем и что он окажется потрясающей души человеком? А тогда мы им проиграли 0:5, но после матча Джеджева одного меня подозвал к своей черной иномарке и записал адрес.

Но сначала я все-таки попал в армию в Подольск – учился на стрелка-радиста. И хоть играл в футбол и получил в связи с этим определенные привилегии – вместо пяти километров пешком с песнями, которые нужно было идти до бани, старшина разрешил на автобусе ехать – на попадание в команду мастеров ВВС не было никаких надежд. Но вдруг – телеграмма в штаб, чтобы меня на сорок четыре дня отправили на сборы в Сочи.

Изначально в ВВС меня хотел видеть Джеджелава, а приезжаю – там играющим тренером Всеволод Бобров. Какой бы ни был великий, но я это воспринял как трагедию – он же меня вообще не знал! Тогда мы и подружились с Вале́й Бубукиным, и остались дружны после того, как он оказался в «Локомотиве», а я – в «Спартаке».

А Всеволод Михайлович относился ко мне как к младшему брату. Хотя и матом иногда так поливал, что я думал: «Закончу-ка с этим футболом». У меня все внутри дрожало. Он считал, что я должен все делать так же, как он. Но тренировка закончится, он обнимет, скажет пару теплых слов – и сразу весь страх спадал. В паре со мной тренировался только Бобров. До того, как начал с ним работать, я не представлял, куда у меня мяч после удара полетит. А при нем уже стал присматриваться, кто и как бьет, и в первую очередь – как это делал сам Бобров.

Я бил с обеих ног, хотя был правой. Будучи пацаном, в пионерлагере как-то ногой засадил в кочку – играли-то босиком. Большой палец распух, я едва ходил. А играть хотелось, и пришлось отрабатывать удары левой. Бить правой не мог долго и во дворе лупил мяч о трансформаторную будку – так и научился. Симонян же уже в «Спартаке» объяснил мне, как распределять силы. У меня их был вагон, системы

никакой в движении вообще не было, и Никита сказал:

– Что ты бегаешь без остановки? Распределяй силы, чтобы хватило на весь матч!

А я еще с детства хотел быть везде, играть с утра до вечера, пока солнце не сядет. Поиграл, краюху черного хлеба съел, водички из-под крана попил – и опять играть. Эту мою неутомимость отметил много лет спустя капитан английского «Вулверхэмптона» Билл Райт, когда мы их 3:0 обыграли. Было сколь приятно, столь и неожиданно. Он, игрок сборной Англии, сказал, что восьмой номер «Спартака» сделал больше, чем любые двое из его команды!

А знаете ли вы, что, когда в 1953 году разогнали ВВС и я перешел в «Спартак», – вскоре и Бобров там оказался? И опять тренировался только со мной в паре. Возможно, кстати, что это он и поспособствовал тому, чтобы я именно в «Спартаке» оказался. Он считал меня подходящим под спартаковский стиль.

Бубука его называл – Михалыч. А я не мог – только по имени-отчеству. Бобров пытался меня переучить, говорил, что в футболе нужно короче. Но вот не получалось у меня – и все. Так всю жизнь и называл его полностью – Всеволодом Михайловичем.

Мне страшно повезло, что попал к Боброву, видел, как он играет, работал вместе с ним. Я же киевскому «Динамо» свой первый гол за ВВС с его передачи забил! Это был единственный раз, когда лично видел Василия Сталина. Первый

тайм закончился ничьей, 1:1. Я, молодой, сидел в запасе. В перерыве заходим в раздевалку – а там младший Сталин гремит:

– Ни шагу назад! Все вперед – и чтобы была победа!

Тут входит Бобров. И говорит:

– Василий Иосифович, дайте одну секундочку...

Тот тут же тихо сел в кресло в углу: уважал Бобра. Вообще, Сталин-младший хороший человек был, но его сгноили... И я краем уха услышал, что он сказал второму тренеру, чтобы меня выпустили. Тут же это передали мне. А у меня же еще ни одной игры в основном составе не было – так такой «кондратий» забил, что шнурки никак не мог завязать. Но когда на поле выбежал – все сразу прошло. Получил мяч, сразу отдал пас Боброву, тот мне в «стенку» вернул – и я как засадил в «девятку»!

В 1953-м, уже в «Спартаке», опять играем с Киевом, и вновь я в запасе. Это был один из немногих матчей, которые за красно-белых сыграл Бобров. Первый тайм – 0:0. А в защите у киевлян играли Лерман, Голубев – бойцы! Лерман однажды так Боброва встретил, что Всеволод Михайлович на беговой дорожке несколько секунд на голове стоял. Дорожка была гаревой, и когда Бобер встал, у него все лицо было черным.

В перерыве его спросили, будет ли он во втором тайме играть.

– Буду! – отвечает.

И два таких гола положил! Получив пас от Симоняна в углу штрафной, подрезал мяч через двух защитников – так, что они столкнулись друг с другом. А Бобров выбегает один на один, по-хоккейному Макарова в один угол кладет, а мяч – в другой. И потом – еще один такой же гол. В результате 2:0 выиграли. Абсолютно гениальный футболист был. Наверное, самый гениальный из всех, с кем я когда-либо встречался.

Когда ВВС расформировали, Бобров вроде бы закончил – какое-то время вообще нигде не играл. И вдруг они в начале лета 1953-го вместе с Толей Башашкиным в «Спартак» оказываются! Приняли его в команде потрясающе – авторитет-то гигантский. И спартаковцем он себя почувствовал настоящим, хоть большую часть карьеры в ЦДКА играл. Подходил он нам по своей игре идеально.

Сыграл он за «Спартак», к сожалению, всего четыре официальных матча. Много травм было, а в 1954-м ему вообще в футбол играть запретили. Руководство так решило, чтобы сберечь его для хоккея. Ноги-то у него постоянно опухшие были, он их черт-те сколько перебинтовывал. За какой вид спорта ни брался – все хорошо делал. Говорил: «Талант в футболе – талант во всем».

Бобер ведь стал единственным тренером, при котором хоккейный «Спартак» две золотые медали выиграл! Когда он пришел в «Спартак», там были такие фигуры, как братья Майоровы и Старшинов, и поначалу они его не особо восприняли. Но как он показал, что умеет – подняли руки:

«Сдаемся!» И заиграли так, что даже ЦСКА с ними ничего поделывать не смог.

Обидно было, что ему за 1953 год в футбольном «Спартаке» золотую медаль не дали, поскольку он половины матчей не провел. Ладно у меня такая же ситуация – начинающий, еще успею. А вот что обделили его, внесшего лепту в победу... Сейчас даже тех, кто не провел ни одной игры, медалью награждают. По такому принципу я должен был получить золотые медали за 1953-й, а также за 1962-й. А ведь тогда я, несмотря на присутствие Нетто, был выбран капитаном и провел пять или шесть матчей...

Бобров был потрясающей личностью. Вообще не пижон – при такой-то славе! Умница, он к любому человеку относился так же, как Симонян: и того, и другого какой-нибудь забулдыга мог позвать, и они останавливались, полчаса с ним говорили.

– Зачем тебе это нужно? – спрашивал я Симоняна.

– Ты не понимаешь, – объяснял Никита. – Сейчас он за «Динамо» больше переживает, а завтра скажет, что вот с Симоняном по душам поговорил – и теперь он за «Спартак»!

Никита и меня приучал общаться с людьми так же.

И Бобер такой же был. Когда мы выиграли чемпионат в 1969-м, пригласили его на банкет в узком кругу и замечательно посидели. Но когда он выпивал, иногда выходил из-под контроля – и так чудил! Однажды мы с ним и с Симоняном сидели в отдельном кабинете ресторана «Арарат». Он,

уже под градусом, решил прогуляться по залу. Я – за ним, чтобы он не сотворил чего-нибудь.

Бобров увидел открытую кабинку, в которой сидели две девушки и два парня. И вдруг он подтянулся – и с ногами к ним за стол прыгнул! Они как выскочили на него! Слава богу, Симонян все уладил, иначе началась бы заварушка. Я его схватил и потащил обратно в кабинет, чтобы больше ничего не натворил.

И Стрельцов таким же по молодости был: сто грамм выпьет – и попер. Кого хочешь поколотит! Я абсолютно уверен, что никого он не насиловал, потому что не был на это способен, а вот побить и вправду мог. За ту жуткую историю с ним, Огоньковым и Татушиным я немного свою вину чувствую. Мы дружили с Татушиным. И получилось так, что в 1958 году весной у меня была порвана мышца задней поверхности бедра. А когда вылечился, сборная СССР проводила последнюю контрольную встречу перед отъездом в Швецию – против спартаковского дубля в Тарасовке. Дубль выиграл 3:1, а я в его составе два мяча забил!

И меня захотели оставить на сборах. Но я сказал:

– Если поеду в Швецию – останусь. А так что буду здесь сидеть?

Не надо было мне торопиться, дураком быть, – промолчал бы, мог и на чемпионат мира попасть. Сам не сообразил, что говорю. Тренеры пошли совещаться и, вернувшись, сказали:

– Ты мало тренировался, поэтому в Швецию не поедешь.

«Как это: мало тренировался – а два гола им забил?» – думаю. Короче, уехал на три дня за город отдыхать. Возвращаюсь, а мне рассказывают об этой истории. Я обалдел. И понял, что, если бы остался, – ничего бы не произошло. За это себя и корю. Ни за что не допустил бы, чтобы в компании с Татушиным оказались Стрельцов и Огоньков.

* * *

Еще до ВВС я был учеником токаря на том самом карбюраторном заводе, где работали родители. Хотел как-то помочь матери. Но меня, маленького, никуда не брали. А в нашем доме жил мастер инструментального цеха, душевный человек, любил меня как сына. К нему и устроился.

Я даже через крыши убегал с завода смотреть игры «Спартак». Игру посмотрел, опять через крышу прибежал – и в цех.

– Где был? – спрашивал начальник цеха.

– Курил.

– Сколько ж ты мог курить? – хмурил он брови.

А директором карбюраторного завода был Василий Поляков, бывший правый защитник «Торпедо». Крупный дядечка, на Карасика из фильма «Вратарь» похож. И вдруг он в наш цех приходит и меня спрашивает. Я испугался: директор завода, за ним свита... Подошел – и вдруг интересуется, где игра в следующее воскресенье. Говорю, что на «Шерстяни-

ке» (сейчас там стадион «Труд»). Он сказал, что обязательно придет посмотреть. А его друзьями были Анатолий Акимов, а также Николай Петрович Морозов, будущий главный тренер сборной СССР.

Я видел их на заводе, они приезжали к нему то ли карбюратор какой-то получить, то ли... поддать. Для меня тот же Акимов, до войны в «Спартаке» игравший, легендой был. Ну примерно как Олег Тимаков, который два года подряд в финалах Кубка за красно-белых голы головой забивал. Я, тогда еще совсем маленький, на этих людей смотрел как на каких-то богов.

Директор завода Поляков хотел видеть меня в «Торпедо». Но я в ВВС оказался, а на них повлиять было невозможно. В 1952-м после Олимпиады в Хельсинки разогнали «команду лейтенантов», ЦДСА. А в 1953-м умер Сталин. Я услышал об этом по радио, будучи с ВВС на сборах в Сочи. Плакать не плакал, но сразу мурашки по коже побежали. Что дальше будет? Вскоре возникла мысль, что это и по команде ударит.

Месяц еще просуществовали, тренировались в Лефортово, – и все. Обидно было – команду-то Всеволод Михайлович на моих глазах делал. Потом непродолжительное время была команда Московского военного округа, где объединились футболисты разогнанных ЦДСА и ВВС. Но и она просуществовала совсем недолго.

Когда разгоняли ВВС, мою мать начали агитировать на заводе, чтобы я в «Торпедо» перешел. Отвечал, что не могу,

потому что за «Спартак» болею.

Специальная комиссия управления футбола распределяла игроков ЦДСА и ВВС по другим клубам. Мне дали альтернативу – «Торпедо» или «Спартак». И мой спартаковский выбор приняли.

* * *

А незадолго до того за мной в Лефортово из «Спартака» приезжали – главный тренер Соколов Василий Николаевич и Морозов, администратор. Я пообещал перейти. Соколов уточнял:

– Не обманешь?

Но какой тут обман, тем более что появился шанс попасть в любимую команду?

Соколов был неоднозначный человек. Приходит к тебе – хвалит тебя и «поливает» меня, приходит ко мне – все наоборот. Вот поэтому он надолго в «Спартаке» и не задержался. А вот кто порядочный был – так это Николай Алексеевич Гуляев.

Занудный до безобразия, это правда. Зато очень трудолюбивый. Даже с перебором. Скажем, выигрываем 5:0 у «Шахтера» в гостях. Проходит неделя, если не больше – и вдруг Гуляев от нечего делать подробный разбор той игры устраивает. Мы, глядя на него, смеемся. Педагог – он должен все видеть, но не обо всем вслух говорить. Ну какой смысл раз-

бирать матч, в котором мы соперника разгромили?

Говорит, скажем, о Нетто:

– Игорь мало поддерживал атаку...

А тому палец в рот не клади:

– Вы что – дурак? Ребята пять мячей забили! Что я их буду поддерживать?

Тот опять за свое. И нарывается на неттовское:

– Я вам повторяю: вы что – дурак?

Тут уже, как всегда в таких случаях, подключился Старостин. Но от разгоряченного Игоря достается и ему:

– А вы вообще пешка в футболе!

Могу себе представить, как руководитель другого типа отреагировал бы, а Николай Петрович только руками развел:

– Ну, знаешь, Игорь...

Авторитет у Нетто был сумасшедший, и Старостин его уважал.

Но был и случай, когда даже Серега Сальников, любимец Николая Петровича, «водил» в квадрате, и на едкую реплику Старостина, запыхавшись, сказал:

– Николай Петрович, да идите на х...!

Дед обалдел, а Серега упал на траву и начал хохотать – аж ногами дрыгал. Потом, конечно, извинялся:

– Николай Петрович, вы подходите в такой момент, когда дышать нечем – и начинаете...

Но какой молодец Старостин! Мог ведь из этого эпизода устроить – мало не показалось бы, а виду не подал, и через

две минуты все забыли¹.

Гуляева ребята прозвали Мулом – за упрямство. Как он сказал, так и будет – надо это или не надо. Но повторяю: сверхпорядочный, честный, работающий, любящий свое дело. Мы его еще звали Писателем – он очень много записывал, статистику вел.

И, видимо, ночами недосыпал. Однажды днем Старостин приходит к нему после тренировки. Гуляев сидит за столом, в одной руке – ручка, в другой – блокнот. А сам спит. Николай Петрович прошелся по кабинету – ноль внимания. Написал записку: «Проснешься – зайди».

Наш Мул был человек не подлый, а, наоборот, очень симпатичный. Но у каждого бывают недостатки. Поэтому, видимо, в 1959 году пришло время его поменять. Больно он ребятам не нравился тогда. А то, что Симоняна, едва закончившего карьеру игрока, на его место назначили – так тут, по моему, сыграл роль председатель российского совета «Спартак» Алексей Абуков, из Кабардино-Балкарии, мужик высочайшего класса. Он влюбился в Симоняна как в личность, когда ездил с нами в Южную Америку в 1959-м, был руководителем делегации. И инициатива назначить Симоняна, ду-

¹ Никита Симонян, рассказывая об этом эпизоде, утверждал, что ситуацию разрядил сам Старостин: «Николай Петрович вдруг повалился на траву, задрал ноги и, хохоча, стал приговаривать: "Это классный номер". Когда все успокоились, Сергей Сальников попросил у Старостина извинения, на что тот сказал: "Да я тебя знаю, иди-ка ты сам к дьяволу"». («Советский спорт», 12.10.2001) (*Здесь и далее – прим. авт.*)

маю, принадлежала ему, а Николай Петрович ее поддержал.

Перестроиться по отношению к Никите, начать воспринимать его как тренера, конечно, было непросто. Со своей стороны я видел задачу в том, чтобы не подвести тандем Симонян – Дементьев, с каждым из которых я играл. Тот же Никита многому меня научил и в жизни, и в футболе. Очень благодарен ему. Все, что у меня было – это от него и Боброва.

Симонян был нашим вожаком, капитаном его не зря избирали. Но как тренер, конечно, первое время он учился у Дементьева – у Тимофеича-то определенный опыт уже был. Тренировки на первых порах проводил именно он. А Симонян участвовал в занятиях наряду со всеми – сколько мы бегали, столько и Никита. Проверял нагрузки, возможно. А потом уже сам стал нас тренировать.

Заставить себя называть Симоняна по имени-отчеству, разумеется, было непросто. Нетто так этого делать и не стал. А я называл его Никитой, только когда рядом никого не было. В иных случаях – Палычем.

Слабых людей, падких до власти, такая ситуация меняет. Симонян остался таким же, каким был. При этом очень внимательным к своему профессиональному росту. У многих людей спрашивал мнение, особенно после матчей. Никогда не был самодуrom, прислушивался, анализировал.

Но придумывал он и что-то свое, ни на кого не похожее. Однажды они с Дементьевым по-новому провели теоретическое занятие. Написали билеты – и мы должны были их тя-

нуть и отвечать на вопрос, вроде экзамена. Откуда они это взяли – не знаю. Мне, помню, достался вопрос, что для нападающего легче – когда соперник в обороне использует персональную опеку или так, как за рубежом – зонную, с подстраховкой и передачей игрока. И я ответил правильно: легче персоналка. Обыграл одного – и путь к воротам открыт. А при зоне одного обыграешь – второй тут как тут. Выдержал экзамен. Но ведь и по сей день с различными модификациями все зону играют!

Я в чемпионском 1962-м по решению Симоняна перестал попадать в состав, и в ситуации вроде такой обидеться может каждый. Игрок же сам себя не видит! А тем более в те времена было мало записей игр. И когда меня упрекали в том, что не успевал, опаздывал, мало двигался – я не верил, артачился. А потом посмотрел какую-то игру – и сдался. Сам сказал, что время пришло. Тем более что как раз начал всю раскрываться талант Гиля Хусаинова. Его стали ставить, и мне места не оказалось. Все было справедливо. Но никто меня не выгонял, и я сам по приглашению кумира детства Анатолия Акимова ушел к нему в «Шинник».

А с Никитой Палычем мы какими друзьями были, такими и остались. И потом еще не один год работали вместе, о чем расскажу позже. Это доказывает, что в любой ситуации есть возможность остаться человеком и сохранить прекрасные отношения.

Вот Бесков – он совсем другой был. Мы же с ним работали восемь месяцев в 1977 году. Все время унижить меня хотел. Я чувствовал себя свободным и работал свободно, как принято было всегда у нас в «Спартаке». До тренировки выходил с пацанами – Хидиятуллиним и Валерием Глушаковым². Те видели, что я могу с мячом делать, – и признали меня. Работалось с ними в удовольствие.

Отдал как-то Вагизу пас «черпачком». И вдруг подходит Бесков:

– Ты чего поле портишь?

А я даже не в бутсах был, а в тапочках! Отвечаю ему:

– Вы серьезно или шутите?

И пошло-поехало...

Мы перед тренировкой выходили на полчаса раньше, ставили жесткие барьеры и с Глушаковым отдавали друг другу передачи – он пятнадцать, и я столько же. Нужно было четко попадать в середину под барьером, чтобы мяч не коснулся земли. Вдруг сзади подходит Бесков:

– Разве так бьют?

– Пожалуйста, – говорю ему, – ударьте, как бьют.

Он бьет – и не попадает. И еще раз – то же самое.

² Чемпион СССР-1979, дядя чемпиона России-2017 Дениса Глушакова.

– Один-ноль веду, – подначил я.

– Ты сколько сделал ударов?

– Три.

– А я – два.

Бьет третий, снова не попадает. Я уже завелся.

– Вот как надо бить! – говорю. И кладу с левой ноги дважды подряд. Но Бескову хоть к чему-нибудь, да надо прицепиться:

– А почему ты с левой бьешь?

Закончилось все это после августовского матча с «Терекком». Бесков по натуре был трус. Были трудности с составом, и собрался тренерский совет, в который из числа игроков входили Ловчев, Папаев, Прохоров, Кокарев и кто-то еще. Они проголосовали за тот состав, который назвал Константин Иванович. Он ко мне:

– Ну ты-то можешь что-нибудь сказать?

– Почему же не могу? Могу. – И выхожу к макету. – Мы – «Спартак», нас уважает соперник, и мы должны ставить задачу атаковать. Вы поставили Ловчева левым защитником, а в центр полузащиты – Ноздрина. Но в этом случае Ловчева легче будет перекрыть, так как подключаться он будет только по своему флангу. От Ноздрина же впереди опасности не возникнет. А вот если Ноздрина поставить слева в защите, а Ловчева – центральным хавбеком, то Евгений сможет неожиданно врываться в зоны и слева, и справа. Будет разнообразие, при котором противнику будет труднее сори-

ентироваться.

И сел. Минуты две была пауза, все молчали. Бесков сидел красный как помидор. Ему же никогда и никто слова поперек не мог сказать, а тут я свою схему назвал, да еще и при всех, – это вообще преступление!

Но я привык так в «Спартаке» работать – честно говорить, что думаю по тому или иному поводу. А задача главного тренера – выслушать все предложения и выбрать лучший вариант. Когда мы с Симоняном работали, было именно так. Демократия! А тут высказал свое мнение – и сгорел из-за этого. Бескова же подхалимы окружали: «Константин Иванович сказал, Константин Иванович попросил...» Все совсем по-другому. «Спартак» и «Динамо».

А в той ситуации Бесков вдруг говорит:

– Ну хорошо, состав, который назвал Исаев, будет играть.

Я чуть со стула не свалился. И мы выигрываем 5:1! Ловчев участвует в первом и последнем голах. Приезжаем в Тарасовку в одиннадцать вечера. Говорю ребятам, чтобы готовились ко сну, а тут как раз Бесков на балкон второго этажа выходит. Спускается ко мне и спрашивает:

– Тебе Старостин ничего не говорил?

– Нет.

– Ну, ты же понимаешь, у нас с тобой...

– Все понял, Константин Иванович, – говорю. – Дальше не надо продолжать.

Пошел, забрал шмотки и уехал. И подумал: «Дурак я, за-

чем мне вообще нужно было работать с ним?» Он идет, а народ, как его завидит, разбегается. Иначе начнет: не то надел, не так причесался... У нас в «Спартаке» таких людей отродясь не было.

Тогда ведь ребят после ухода Крутикова и прихода Бескова спросили, кого из помощников оставить – Хусаинова или Исаева. Игроки проголосовали за меня. Он меня взял, но ни к тактике, ни к чему-то еще не подпускал. Взял Бесков поначалу и Юрия Морозова, но уже на первых сборах его убрал. На каком-то разборе Морозов начал говорить о том, как должен играть центральный защитник, и Бесков сказал:

– Слушай, друг, как будет центральный защитник играть – говорить буду я, а не ты.

И больше Морозова в команде не видели.

Однажды, когда я еще работал, в Тарасовку приехал Качалин. А мы с Бесковым на противоположных сторонах тренировочного поля стоим. Подзывает:

– Анатолий, как дела? Как у вас отношения с Бесковым?

– Вот такие, – говорю, – отношения: он на той стороне, а я на этой. Как вы могли вообще его в сборную взять?

Он никого не уважал. Считал себя выше собеседника в любой ситуации.

А может, Бесков мне припоминал ситуацию 1955 года, когда мы в Индии к мельбурнской Олимпиаде на жаре готовились. После травмы накануне игры выхожу проверить ногу – что могу делать, что нет. Качалин разрешил мне трениро-

ваться индивидуально. А Бесков в общую группу зовет!

Я ему объясняю. Он не слушает:

– Иди в группу!

А после тренировки еще и говорит:

– А теперь сделай два круга пробежки и все мячи в авоську собери!

Я продолжаю по инерции вести мяч – до Бескова-то еще полкруга осталось. Он как рявкнет:

– Кому сказал!

И я, заведенный, как засадил ему мячом! Хорошо, что попал в ноги, а не куда-то еще. И побежал дальше.

Потом он вызвал меня на беседу, я извинился, снова все объяснил. Но вот простил ли меня Бесков в той ситуации – не знаю. Не уверен. А я просто люблю справедливость, если же сталкиваюсь с хамством – не могу терпеть и стараюсь это как-то показать.

Хотя, когда я помогал Симоняну в Ереване, мы с Бесковым встречались, угощали его, шутки-прибаутки – словом, все хорошо было. А в «Спартак» пришел – никакого контакта! Никогда не советовался. И ломать начал все спартаковское – из школы Осянина убрал...

А Николай Петрович его вообще ненавидел. Бывало, придду к Деду, а он вздыхает:

– Анатолий, ты представляешь, динамовцы окружили везде. Председатель «Спартака» – динамовец, старший тренер – тоже. Врачи, массажисты, администраторы...

А для Старостина «Динамо» – это самое большое бельмо в глазу. Как он нас на них настраивал!..

И к нам такое же отношение было. Тот же Якушин «Спартак» не переносил. И даже Аркадьев из ЦДКА при всей своей интеллигентности называл нас «эти мотыльки ночные: сегодня полетали, а завтра их нет вообще». В олимпийской сборной Якушин мог меня на игру не поставить, а Качалин через неделю за первую сборную – ставил с первых минут.

Вот Гавриил Дмитриевич – чудесный человек был. Но вряд ли Старостин мог Качалина в «Спартак» пригласить. Тот – интеллигент, а Николай Петрович рубил правду-матку, так сказать, по-чапаевски – недаром его Чапаем прозвали. И потом, он хотел управлять ситуацией в команде, а Качалин управлять собой не позволил бы.

* * *

Николай Петрович вернулся в команду в 1955-м, после заключения. Очень неожиданно. Приехали в Тарасовку, а там заваруха – снимают Соколова. И приезжает Старостин – помню, в широких брюках болотного цвета. Прошелся строевым шагом по нашей комнате, присел...

До него начальником команды был некто Дурнев, стрелок. По-моему, он был чемпионом мира по стрельбе³. За-

³ На то время – чемпион СССР. Чемпионом мира по стендовой стрельбе Николай Дурнев стал позже.

помнился тем, что на какие-то торжественные церемонии, где спортсменам вручали правительственные и еще какие-то награды, всегда с чемоданом медалей за свои стрелковые победы приходил и надевал их – в ожидании, что его вызовут. А ни один из нас не напяливал ни одной своей медали. Он же как новогодняя елка был.

Но его никто не вызывал! Нет, ничего плохого этот человек нам в общем-то не сделал. Однако и хорошего – тоже. Время он тратил на то, что главы истории КПСС наизусть заучивал. Мы втихую смеялись над ним, не воспринимали его совершенно. А потом пришел Николай Петрович, фигура по-настоящему авторитетная. Про Дурнева мы тут же и забыли.

Я о Старостине был так наслышан! Чем дольше он отсутствовал в «Спартаке» – тем больше ходило легенд. Что ногу ему перебинтовывали, поскольку он ударом с этой ноги штанги ломает, и так далее. Мы потом все пытались уговорить, чтобы он вышел на поле и показал что-то. А он нас стеснялся. Потом уже говорил:

– Играл я плохо. Просто хорошо бежал и лупил с правой ноги, куда попаду...

Ни разу при нас на поле не вышел! Андрей Петрович – тот выходил, бил. А Николай – нет.

До их возвращения мы, конечно, знали, что они сидят – правда, не были в курсе, за что именно. Потом Николай Петрович много историй рассказывал – как, допустим, он на пе-

ресылке был, где не кормили вообще. И если бы не воры – не выжил бы. Он им стихи читал, много историй, в том числе футбольных, рассказывал – и они с ним едой делились.

Рассказывал и о том, как было в «Спартаке» до войны. Как на игру они приезжали на кабриолетах, с открытым верхом. Видимо, тогда и стали клуб ненавидеть за такой образ жизни. Большинство за нас болело – но многие и ненавидели. Особенно торпедовцы. Вот Лидия Гавриловна, жена Валентина Козьмича Иванова, до сих пор «Спартак» ненавидит! К нам, отдельным футболистам, с уважением относится, но общество – терпеть не может!

С каким «аппетитом» мы все Старостиных слушали! При чем разговаривали братья совершенно по-разному. Андрей Петрович мудреные, литературные слова подбирал. А Николай Петрович бил прямой наводкой, в лоб. Как говорится, по рабоче-крестьянски. Первое время он так настраивал на матчи, что мы просто срывались с места, готовые рвать всех.

Рассказывал, как Василий Сталин привез его в Москву, когда он еще должен был в заключении находиться – и тогда единственный раз в жизни Николай Петрович вынужден был выпить с ним стакан водки. С тех пор он только на поминках по своей супруге, Антонине Андреевне, дома употребил немножко красного вина. И сказал:

– Да не сидите вы здесь с грустными лицами! А вспоминайте самое хорошее о ней. Можете даже петь, чтобы поминки были веселыми.

На братьев Андрея и Александра, которые, наоборот, выпить были не дураки, он Симоняну жаловался:

– Никита, вчера были два брата. Запас, что был, весь уничтожили!

Как он ради «Спартака» с утра до вечера горбатился, квартиры пробивал и все остальное! Глотку за нас мог перегрызть где угодно. На спортивно-технической комиссии – это вроде нынешнего КДК – защищал игроков, как заправский адвокат: всегда найдет вариант, чтобы оправдать, даже в безнадежных ситуациях! Ему достаточно было снять трубку и сказать, что звонит Николай Старостин, начальник команды «Спартак» – и открывалась любая дверь. По масштабу он государственным деятелем был и мог очень больших высот достичь.

Но вот любил футбол и «Спартак» – и не мог без них жить. Он же не обедал – так был делом увлечен! Шофер принесет ему булку и какой-нибудь воды. Запьет – и дальше работать. И только в день игры, когда установка, он приезжал в Тарасовку и там обедал. Иногда думается: «Как при таком режиме работы столько прожил?» Но ведь он в заключении суровую закалку прошел, и отсутствие обедов для него – это была ерунда.

Мы, игроки, на него тоже влияли. Особенно Сальников, который даже гордился слухами, что он – внебрачный сын Старостина. В первую очередь благодаря Сергею Николай Петрович научился кое-чему из моды. Мы укоротили ему

брюки, и вообще Чапай стал выглядеть гораздо лучше, чем в то время, когда вернулся из лагеря.

Политикой он нам, игрокам, головы не забивал. А ведь время было такое, что от нее, казалось, никуда не деться. Когда в 1956 году в гостях играли товарищеский (!) матч со сборной ФРГ, у нас была установка в... лесу. Там лежало дерево, те, кто в стартовом составе, сели на него, а запасные стояли. Кагэбэшник ходил вокруг и искал, не подслушивает ли кто нашу установку. Обалдеть! Ну кому она была нужна?! А немцы – те нормальными ребятами были. Их главная звезда, Фриц Вальтер, – порядочный мужик, совсем не пижон и не подлец. Но как же нас перед матчами с ними накручивали!..

А в «Спартаке» такого не было. Старостин очень трезво ко всему относился и был человеком дела, а не внешних эффектов. Помню, в 1955-м мы играли хорошо, особенно в международных матчах. И однажды вдруг вызвал нас Яснов Михаил Алексеевич, председатель Мосгорисполкома, – это как мэр Москвы сейчас. Всего пять минут побеседовал с нами, расчеркнулся на бумаге – и пять человек, Паршин, Огоньков, Тищенко, Татушин и я, получили квартиры в одном доме на «Красносельской». Квартиры, конечно, слабые – двадцать восемь метров, со смежными комнатами. Но учитывая, что жил я до этого в 14-метровой квартире, вшестером, вместе с родителями, сестрой, ее мужем и дочерью, а спал я на сундуке, а иногда и под столом – это вообще сказка

была.

А ведь Старостин, который нам все это и пробил, к тому времени едва из заключения вернулся! Но вот так он умел убеждать. Мы гордились своим начальником команды.

* * *

Феномен «Спартака» 1950-х, думаю, заключался в первую очередь в отличном подборе игроков, которые дополняли друг друга и по мастерству, и по характеру. Мы уже столько лет дружим – Парамонов, Симонян, Ильин, я... И если бы Гуляев, как вначале, не особо руководил нами, а, скорее, присутствовал – он бы долго-долго проработал. Но на волне успехов начал выпендриваться, меньше общаться с игроками – и получил по заслугам в ответ.

Коллектив у нас был отличный. Отыграем матч – и идем на восстановительные мероприятия в Центральные бани: массаж, парилка. А потом все вместе – в «Арагви», там недалеко. Замдиректора ресторана Владимир Лукич был нашим фанатичным болельщиком. Дверь в его комнату всегда была открыта, он видел, кто приходит в ресторан, кто уходит. Как только замечал нас – пулей выскакивал и вел нас в отдельный кабинет на десять человек. И мы там обедали, разбирали игры – лучше, чем любой Гуляев. Каждый эпизод, любую претензию друг к другу высказывали вслух – и докапывались до истины. То, что потом Николай Алексеевич говорил, бы-

ло второстепенным: мы уже все к тому времени понимали. Ходили туда все, кроме Парамонова. Почему его не бывало – не знаю, но он как-то в этом смысле особняком держался.

Не сказать, что в том «Спартаке» много пили, но бывало. Играли как-то в Турции с «Бешикташем», а до этого было еще две игры. Татушин, Огоньков, Тищенко и Масленкин не выдержали – и вечером накануне матча играли в номере в преферанс под определенные напитки. Бутылки, правда, успели убрать.

А Масленкин – он же глуховат. Так заходят Старостин с Гуляевым, встают за его спиной, а Толя как раз берет свой прикуп. Развернул карты – и тут Чапай ему руку на плечо кладет. Масленкин, не глядя, говорит:

– Пас! Вы не видите, что я занят?

Все грохнули. Толя поворачивается – а там Николай Петрович. Масленкин схватился за голову, а тот так спокойненько:

– Ребята, уже половина двенадцатого, пора спать! Завтра тяжелая игра.

Может, Старостин и учуял, что Масленкин выпивши, но виду не подал. А Гуляев ничего не заметил.

Толя вообще говорил, что выпивает перед игрой для стимуляции. А там жара и влажность просто страшные! После матча спрашиваем:

– Ну как ты себя чувствовал?

– Сначала так тяжело было, думал – забивайте сколько хо-

тите! Но когда мы открыли счет, решил: фигушки, не пройдете. И играл уже вовсю.

Так и закончили – 1:0.

Старостину Гуляев был очень удобен – все, что Дед ни скажет, выполнял. Своего-то мало было – вот к Николаю Петровичу и прислушивался. Ну и нами был доволен, потому что по характеру у нас все были хорошие люди, без пжонства. Считаю, что «Спартак» был самой демократичной командой, самой доступной. Взять хотя бы то, что в другом клубе попробуй кто-нибудь из молодых зайди в автобус! У каждого свое место было, и пока основной состав не сядет – не думай даже влезать туда! А в «Спартаке» кто куда хотел, тот туда и садился.

И тот же Нетто, при всем своем авторитете, совершенно нормальный человек был. Да, «пихал», но был очень отходчивым. И никто на него вообще не обижался, потому что он полностью отдавался игре. Пусть ворчал – но всегда бежал назад свою работу выполнять. Мы все как братья были. Правда, бывало, что капитаном мы выбирали то его, то Симоняна. Никита мог подойти, строго спросить, а Игорь наворчит, обзовет «деревней»... И мы их в роли капитана чередовали.

К послефутбольной жизни Нетто оказался не приспособлен. Вида, что ему очень плохо, не показывал – но его старались поддержать, с ветеранами на матчи брали, чтобы заработал немного. Ловчев подарил ему машину – но она так

и сгнила около дома, хотя ездить он умел. Ну и болезнь его добила – все забывал. И Гиля Хусаинов ушел так же...

Состав 1950-х – это такие личности были! Даже из числа не самых ярких, казалось бы, игроков. Взять того же Николая Тищенко. Мы до сих пор сами поражаемся, как он в том полуфинале против болгар в Мельбурне с переломом ключицы не просто на поле остался, но и во второй голевой комбинации поучаствовал. Он тогда пришел в перерыве, попросил уколоть и прибинтовать руку к телу – и обратно!

Только Николай Иванович мог так сделать! Это был отличный человек, которого, к сожалению, в пятьдесят четыре года сердечко подвело. Из таких передраг он порой выходил! Как-то раз Тищенко попал в страшнейшую автокатастрофу. Ветераны играли в Рязани и возвращались оттуда ночью под дождем. Машина из-за скользкой дороги съехала на обочину, закрутилась – и Тищенко вылетел через лобовое стекло. Вылезли остальные – Николая Ивановича нет. Темнота, ничего не видно. Начали кричать. Он из кювета слышал их голоса, но крикнуть в ответ не мог. Когда его нашли – сандали в одной стороне, он в другой.

Следом ехала вторая машина с ветеранами – его посадили в нее и довезли до Люберец. Вышел из машины и пошел до больницы сам. А у него был перелом тазобедренного сустава, сзади скальп снят, весь в ушибах – и так далее. Но в больницу он должен был войти сам! Мы с его женой, которая мне обо всем рассказала, в семь утра к нему приехали

– благо жили на одной лестничной клетке. Приходим – а он сидит, дымит. Лежать ему нельзя было. Весь забинтован – и только сигарета «Дымок», или, как он ее называл, «Дымстон», из зубов торчит.

Железный был человек. И сверхпорядочный. Но не всем нравилось, что он правду в глаза говорил. Был директором спартаковской школы, но потом его сняли – городской совет «Спартака» критиковал...

Золотой гол в Мельбурне – это вообще отдельная тема. Я то и тогда был, и сейчас абсолютно уверен, что не Ильина тот мяч, а мой. Видел, что Толя его уже за линией ворот коснулся. Помню, подбежал к нему и сказал:

– Молодец, что подстраховал!

А все подумали, что он этот гол забил.

Ну и ладно, думаю, главное, что победу одержали, а кто забил – не важно. А обидно стало, когда Ильин получил орден «Знак Почета», а я – ничего. Хотя и первый гол на Олимпиаде забил, и последний. Если бы попер – может, что-то и поменяли бы. Но не стал.

Мало того, мы выступали перед какой-то аудиторией после Игр, и он хоть бы упомянул про меня! Пусть не говорил бы, что гол – мой, ну хоть «Исаев сделал удар головой, а я внес его в ворота». Но ни про меня, ни про Татушина, проскочившего по правому краю и сделавшего мне передачу, – вообще ни слова. А у меня ведь очень непростая задача была – в прыжке затылком через стоявшего у ближней штанги

вратаря в дальний угол мяч перевести...

Впрочем, это его дело. Даже Валька Иванов с женой Толю спрашивали:

– Ну почему ты молчишь?

– Все говорят, что гол я забил, так чего мне встывать?

Ладно...

Нетто, Симонян, Ильин и Тищенко за то золото получили по машине «Победа». А мы, кто помоложе, – «Москвичи». Я уже после Олимпиады водить научился. Как Шумахер водил – медленно не мог ездить. Но и машин было мало, и реакция хорошая – так что все без эксцессов обходилось.

А как нас, когда мы на поезде из Владивостока в Москву ехали, люди встречали! Одна бабка прибежала с ведром спирта: «Где здесь Яшин?» Не взять его Лева не мог – людей уважить нужно было⁴.

С Яшиным мы жили в Мельбурне в одном номере. У нас были отличные отношения. В день открытия, 22 ноября, мы как раз дежурными остались. Жара страшная, люди в обморок от солнечного удара падали, – и Качалин нас слевой пожалел. Пошло на пользу – я первый гол забил. Дружеские отношения у нас до конца Левиной жизни сохранились. Мы с Симоняном к нему приехали, когда он уже умирал, две недели оставалось. Позвонила Валентина Тимофеевна, пригла-

⁴ Эта история по рассказам ее свидетелей наиболее известна в варианте «старик с бородой, принесший лично Яшину байкальского омуля». Однако нельзя исключать и других подобных эпизодов, которые могли произойти за время долгого путешествия через всю страну (в том числе и «бабка с ведром спирта»).

сила прийти попрощаться...

Во время того полуфинала Олимпиады, когда Тищенко свой подвиг совершил, мы с Симоняном и Ильиным на скамейке между собой тревожными мыслями делились. В 1952-м за поражение от югославов разогнали «команду лейтенантов», а теперь, если бы проиграли болгарам, составлявший основу сборной «Спартак» может та же участь постигнуть. При 0:1 об этом как-то сразу подумалось.

Мы ощущали это давление. И, когда пропустили, сразу 1952-й вспомнился. Хорошо, что не только сравнивали, но и победный забили. Серебряные медали уже гарантировали, что «Спартак» не разгонят...

А во время отборочного турнира той Олимпиады забавный эпизод случился. Правда, смешно о нем сейчас вспоминать, а тогда... Поехали на матч в Израиль. Никаких заградительных барьеров там не было – поле и трибуна. И полицейские с собаками стоят. Веду мяч в середине поля, соперников вокруг нет – и вдруг стадион как заорет! Поворачиваюсь – а прямо на меня бульдог скачет. Намордник соскочил, морда слюной истекает, разорвать готов. Я успел ткнуть мяч в сторону – и метнулся к скамейке запасных, которая, к счастью, близко была. Бульдог среагировал на мяч и стал терзать его. Андрей Петрович Старостин в своей книге допустил художественное преувеличение – мол, Исаев такую скорость развил, что ни одна собака не могла догнать.

А могло быть хуже Рогова. Тогда, в финале Кубка СССР

1957 года, «Локомотив» у нас бы ни за что не выиграл, хотя они в то время и занимали второе место. И победили только потому, что излупили нас. Евгений Рогов, костолом из костоломов, нанес мне тяжелейшую травму – меня увезли на «Скорой» в больницу. Я полгода не ходил. А еще этот же Рогов сломал Ильина, Симоняна, Сальникова и Огонькова. Пятерых за один матч!

Просто наглый тип. Мы же были с ним в ВВС, знаю, что он собой представлял. Жили в общеаге в Тушине, и я видел, как они с еще одним таким же, Колей из Подлипков, насмехались над людьми, которых добивали в игре. Рогов с упоением, в красках рассказывал, как врзал одному, другому, третьему. Такое впечатление, что это доставляло ему какое-то садистское удовольствие. Ну как же так можно? Это же твой коллега, вы один хлеб едите!

Один раз я всего за весь тот финал на его фланге появился... Хоть знал, но не мог подумать, что он прыгнет на меня двумя ногами и вывернет голеностоп. Я пас-то уже отдал. А Рогов даже не извинился, будто так и надо. Главное – замены-то были запрещены. Меня в госпиталь увезли, Сальникову ребро сломали, но и он, и остальные трое на поле остались.

Думаю, это костоломство было его личной инициативой. Он просто иначе не мог играть – ни скорости, ни роста, на обезьяну был похож. По сравнению с ним динамовцы семидесятых годов, Новиков и Никулин, – корректнейшие игро-

ки. И самое интересное, что Рогова после того финала даже не дисквалифицировали, потому что федерацию возглавлял Антипенко, бывший председатель центрального совета общества «Локомотив».

С Роговым с тех пор мы никогда не общались, а травма та стала для меня роковой. Нет, еще пять лет в «Спартаке» играл, но скорее – уже доигрывал. Нога болела, на голеностопе образовались шипы, делал уколы перед играми, чтобы боль снять.

Но хромаю я сейчас не из-за этого. В позвоночнике стерты диски, тазобедренный сустав плох... Выпиваю с утра шесть таблеток – и вперед. Заставляю себя ходить пешком каждый день и, когда предлагают подвезти на машине, – отказываюсь. И вот после инфарктов, а было их у меня два, живу уже восемнадцать лет. Первый раз прихватило, когда сидели в Спорткомитете. «Скорая» приехала только через пятьдесят минут, я уже умирал: кардиограмма была – прочерк на весь лист. Всадили укол – и в машину. Симонян попросил, чтобы отвезли куда-нибудь поближе.

Повезло, что дежурила заведующая реанимационным отделением Ирина Петровна. Ей сказали, что я олимпийский чемпион. Мол, имейте в виду – и так далее. Так она всю ночь не отходила от меня, все время била по щекам.

Врачи думали, что не доживу до утра...

С деньгами у «Спартака» всегда было туговато. Зарплату получали, а вот чтобы премиальные выдать – с таким количеством инстанций надо было это согласовывать! Помню, только один раз щедро вознаградили. В 1958-м играли финал Кубка – и была такая организация «Центросоюз» во главе с руководителем по фамилии Климов. Перед игрой он вдруг появился в Тарасовке немного «под градусом» – и сказал, что, если выиграем, каждый получит премию в размере месячного оклада.

2 ноября мы обыграли «Торпедо» – и на следующий же день приехали к нему и получили деньги. Он оказался человеком слова и подключил горком партии. А вот чтобы от обычных профсоюзов получить премиальные, нужно было месяца два ждать.

Я всегда считал, что профсоюзы – вредители для футбола и спорта вообще. Присосались к «Спартаку», никакой конкретной помощи ему не оказывают – зато спрос! После победы в чемпионате Союза 1969 года нам дали поощрительную поездку в Сирию, Ливан и Иорданию. Одну игру, Сирии, мы проиграли – 0:3. Должны были забить голов десять – ну вот не лезло. Бывает такое. Вратарь у нас был – метр с кепкой, до перекладины не доставал.

Возвращаемся домой, а тут скандал. Чемпион СССР про-

играл какой-то Сирии! Профсоюзы выносят выговоры Старостину, Симоняну, Исаеву. Из-за товарищеской игры – притом что мы чемпионат выиграли!

Узнал об этом помощник Брежнева. Они вместе во время войны служили, у него не было руки, а болел он за «Спартак». И он рассказал Леониду Ильичу, что над спартаковцами издеваются, надо им помочь. Он дал указание – и нас пригласили в горком партии. А туда обычно звали не благодарить, а песочить. Заходим туда вчетвером – Николай Петрович, Никита Палыч, я и капитан Гиля Хусаинов. Ожидания мрачные.

И вдруг с нами так уважительно начинают беседовать, что мы понять ничего не можем, переглядываемся! Говорят, что нам нужно построить новое здание базы, а то старое, деревянное, уже никуда не годится. А в конце раздают список на премиальные – опять же, по окладу. Так нас защитили.

А вот когда профсоюзный деятель Богатиков решил снять Старостина в конце 1975 года, нам уже никто помочь не смог. Профсоюзы были против Старостина всю жизнь. Не знаю почему – видимо, в связи с тем, что он все без их участия делал, через свои связи в Моссовете и так далее. Профсоюзы – они ведь сделать толком не могли ничего. Зато как ругать – так они первые. И сколько их водилось! ВЦСПС, МГСПС, Облсовпроф... И каждому что-то от нас было надо.

В «Шиннике» мне довелось и против «Спартака» сыграть. На Кубок, в 1963-м, когда спартаковцы в итоге турнир и выиграли. На предыдущем этапе мы «Волгу» обыграли 3:1, я дубль сделал. А после игры в раздевалку заходит знаменитый спартаковский болельщик, актер Михал Михалыч Яншин – у него в Ярославле тогда гастроли были. И говорит:

– Спасибо, Анатолий! И должен заметить, что «Спартаку» неприятно придется – ты два таких мяча положил!

– Михал Михалыч, против «Спартака» играть не буду, – отвечаю я.

– Как не будешь?!

– Ну даже представить себе не могу, что против родной команды на поле выйду.

Когда «Спартак» приехал – и Симоняну то же самое сказал. И Акимову, когда тот пришел со мной по составу советоваться. Он взмолился:

– Выйди, прошу тебя, чтобы народ получил удовольствие!

Короче, уговорил. Игра была боевая, хоть мы и проиграли. Но «спартачи» после матча стали меня подначивать. Чапай говорит Симоняну:

– Никита, я ничего не могу понять: Исаев вышел на такую отличную позицию и с левой ноги не стал бить, ты заметил?

– Заметил. Да он вообще отказывался играть!

Но игра на самом деле была честной и красивой. На следующий день мы с директором шинного завода Владимиром Петровичем Чесноковым, Героем Соцтруда, стали матч обсуждать. Он сказал, что поздравляет меня с блестящей игрой: не важно, что проиграли, зато такой футбол показали, что народ в восторге. А потом к Вале Ивакину обращается:

– Ты знаешь, мы с женой всю ночь не спали, думали, что бы сделать, чтобы мячи от тебя не отскакивали! У нас на заводе есть канифоль, может, тебе ею перчатки смазывать?

Вот такой он был, директор, с чувством юмора. А Валя тогда после подачи углового мяч не достал, и Юрка Севилов дальнюю штангу замкнул – потому Чесноков так и высказался. Но без зла совершенно. В тот год мы с «Шинником» в высшую лигу вышли, и в 1964-м я еще раз сыграл против «Спартака». Болельщики меня очень хорошо встречали, слова худого никто не сказал.

В том же году, когда я еще заканчивал в Ярославле, Симонян спросил, не хочу ли потрудиться в спартаковской школе. Да с удовольствием! Два года, 1965-й и 1966-й, проработал там. И моя команда, 1949 года рождения, сразу чемпионом Союза в своем возрасте стала. Вратарем в ней был Илья Ивиницкий, позже – директор школы «Спартака».

Жил я на «Красносельской», а трехэтажное здание городского совета «Спартака» было напротив, через дорогу. И я часто бывал у Старостина, беседовал с ним. В 1967-м сидим однажды – и вдруг приезжает Симонян. А там у него были

сложности с одним из помощников – и они, посоветовавшись, предложили это место мне. Пришел 22 июня – такую дату не запомнить трудно. Так и начали вместе работать.

Споры у нас бывали, конечно. Но он мне доверял, поскольку знал мою порядочность, то, что я его никогда не подведу. И, если что, скажу все в глаза.

Старался его не огорчать. Когда он поехал в Сухуми отца хоронить, я остался за главного в матче против тбилисского «Динамо». С нами работал еще и Сальников. Провожу установку, подходит Серега и говорит:

– Анатолий, ну ладно, установку мы сделали, тбилисцев обыграем, я поехал.

– Куда? Ты что? Такая игра!

– Ветераны сегодня играют, я поеду...

– Серега, я тебе свои деньги отдам, какие ты там зарабатываешь, только, ради бога, останься. Полный стадион ведь будет – тбилисское «Динамо» же, не абы кто!

Сальников классный парень был, но жадноватый до денег. Все равно уехал. А мы – выиграли. Потом Никита Палыч сильно удивился, узнав, как все было.

На тренерских советах мы совещались очень демократично, но последнее слово оставалось за Симоняном. Хотя иногда получалось его переубедить. Помню, была ситуация с Папаевым, индивидуально очень сильным игроком. В 1969-м решающий матч у нас был в Киеве. В день игры приезжает Старостин, спрашивает, какой будет состав. Мы отвечаем,

что провели анкетирование ребят и Папаев не попадает в состав. А Николай Петрович, который обожал Витю, вдруг заявляет:

– Ха, анкетирование! А кто вообще сказал, что оно нужно?

И пошел убеждать ребят по новой.

Приходит Андрей Петрович. Дед ему говорит:

– Андрей, ты видишь тут вообще команду? Они Папаева не поставили!

– Что? Папаева?!

Короче, пошли они вдвоем, сагитировали футболистов – Витя все-таки попал в состав. И ведь оказались правы! При 1:0 в нашу пользу и диком киевском штурме он, можно сказать, вытащил матч. Взял игру на себя – и как начал их валтузить! Они с бешеными глазами летели на него, а он под себя одного уберет, второго, третьего, мяч придержит. Так и сбил им игру.

А убрали нас с Симоняном из «Спартака» в 1972 году, когда я на первом курсе Высшей школы тренеров учился. Освободили за то, что мы в финал Кубка не вышли. В том матче с торпедовцами «Спартак» засудили. Пискарев при ничейном счете забил потрясающий мяч, стоя спиной к воротам. А помощник судьи, Казаков, поднял флажок, хотя Андреев, который в пассивном офсайде был, вообще с другой стороны стоял и никому не мешал. Главный арбитр Лукьянов хотел засчитать, но Казаков отменил. Команда про-

играла по пенальти, а нас сняли с должностей. Я подумал: «Надо же, в институт поступил – и тут же освободили...»

Но мы с Никитой Палычем еще в «Арарате» вместе поработали. Хотя там, конечно, с местной спецификой непросто было. Но и Симонян мне многое объяснил, и сам я авторитет завоевал: когда Никита в составе группы советских тренеров уехал на чемпионат мира 1974 года в ФРГ, мы несколько матчей выиграли. И ребята, когда между ними споры начинались, ко мне как к третьей стороне обращались со своим армянским акцентом:

– Канстантинич, разбэрис!

* * *

Потом я опять работал в школе, затем Гуляеву в первой команде помогал. А в конце 1975-го и его убрали, и Старостина. Команду возглавил Крутиков, и пригласил меня, сказав, что нужно просматривать соперников «Спартака» и докладывать ему о них перед каждым матчем.

Они с Хусаиновым работали вдвоем, я на поле с ними не тренировал вообще. Да, членом тренерского штаба был, но Крутиков с Гилей – близкие люди, дружили семьями и решали все без моего участия.

Крутиков, еще будучи игроком, ко мне, второму тренеру, подходил:

– Анатолий, ну что вы нам каждый день даете одно и то

же? Вы можете подобрать какие-то интересные упражнения на каждую тренировку?

– Слушай, – отвечал я, – тебе играть осталось немножко. Станешь тренером, тогда и будешь импровизировать. Какие хочешь упражнения придумывай, твори!

И вот ему дали команду. Ни одной тренировки он не провёл, работал все время Гиля. А Крутиков ходил по полю туда-сюда – и все. Это просто фантастика была! И так хотелось ему сказать: «Ну что же ты, друг, столько разговоров вел? И где твоя импровизация?» Смотрел на эти тренировки, на то, как он говорит игроку «Вась, Петь, как тебя вообще там?», и думал: «Зачем я пошел туда?» Крутикову не хватало элементарных знаний. То, что он говорил, можно было и в детском саду услышать.

Когда он играл, у него были хорошая скорость, злость, характер. Сзади играл мощно и цепко, убежать от него никто не мог. Но подключения к атакам, которыми он был славен, меня не вдохновляли.

– Подключусь, – говорил он. – Для кухарок...

А смысл-то в том, чтобы или гол забить, или передачу результативную отдать. Но этого почти не было. С прямыми обязанностями в защите Крутиков справлялся здорово. Вот только для того, чтобы справиться с должностью главного тренера «Спартака», этого недостаточно. Однако мы и сейчас общаемся; не друзья, конечно, но, когда видимся – подходим друг к другу, спрашиваем, как дела. Все-таки профес-

сиональное не должно на личное переходить.

В 1976-м я пробыл в «Спартаке» не полный сезон. На сборы, в частности, не ездил. Вместо постоянной работы получались этикие командировки. Короче, вроде и был в штабе – а вроде и не был. Так что моим мнением, кроме как о соперниках, никто не интересовался.

Ну а потом назначили Бескова...

* * *

Однажды, уже в девяностых, я пришел в спартаковский клуб, который располагался в Первом Коптельском переулке. В здание меня не пустили. Там стоял какой-то омоновец на входе.

– Вы кто?

– Олимпийский чемпион Анатолий Исаев, – ответил я.

– К кому идете?

– В свой дом иду.

– Если вас никто не приглашал, – перекрыл он мне дорогу, – то и делать вам тут нечего.

Прибежали ребята из клуба – они видели эту сцену из окна:

– Ты кого не пускаешь?!

Год спустя пришел к Николаю Петровичу. Его при Романцеве уже отодвигали. И был там такой Есауленко, вице-президент. Я сел на втором этаже на диван, над которым фото-

графии спартаковских команд – чемпионов всех лет. И я там тоже есть. А тут Есауленко ко мне подходит и спрашивает:

– Вы из садоводческого товарищества?

Я растерялся: думал, что меня все-таки знают в «Спартаке».

Через какое-то время выходит женщина – и задает тот же вопрос. Мне так неудобно стало, и я ушел на первый этаж, к хозяйственникам. Тогда и понял, что «Спартак» для нас, ветеранов, становится чужим. А сейчас – тем более.

Наше поколение уважало спартаковцев, допустим, тридцатых годов, знало их. Это же наши люди, которые были чемпионами, прославляли «Спартак»! А сейчас мы никакого отношения к «Спартаку» не имеем. Был когда-то тренерский совет, на котором мнением ветеранов интересовались, – но его взяли и уничтожили. Хотя что-то полезное мы, наверное, могли бы рассказать.

Тем не менее Романцеву нужно отдать должное. Контакта у нас не было никакого, но пенсию ветеранам он сделал по тем временам нормальную – 200 долларов. Мы ему были благодарны, что в такое трудное время поддержал. Это было, наверное, во второй половине девяностых. А впоследствии еще и президент страны сделал нам, олимпийским чемпионам, пенсию. Можно жить, елки-палки!

А вот в девяностых, особенно после инфарктов, было сложно. Жена, дочь... Как было крутиться? Откуда деньги доставать – в моем-то состоянии? Сейчас дочь работает в ту-

ристической фирме, все нормально. И у меня какие-никакие деньги появились. Вот только годы уже подпирают.

Хорошо, что, когда заболел, не остался один. Ко мне в больницу приходили Симонян, Ивакин, другие ребята. Потом Романцев стал нам оплачивать поликлинику, обследования в больницах. Каждый год ложусь за городом в кардиологическую клинику и прохожу там профилактику. Врач в поликлинике мне попался хороший – Людмила Степановна. Потом, как мне сказали, она в Министерство здравоохранения пошла работать, – но подобрала мне нужные лекарства, и я уже восемнадцать лет живу. Хотя тогда – умирал.

И здорово, что турнир «Негаснувшие звезды» придумали. А то когда вышел из больницы – не знал, что делать дальше. Ну, вышел, погулял, вернулся домой – а что еще? Не то что работать – никакую тяжесть поднять не мог. Врачи разрешили не больше двух кило. И сел я тогда у телевизора и стал смотреть передачи о правильной еде.

Подбирал себе варианты, шел на базар, покупал продукты, приходил и готовил, жене помогал – чтобы она не ходила по магазинам и на готовку хотя бы иногда силы не тратила. И супы научился делать, и борщи. Плов вот никак не получается...

А в последнее время мне навручали столько орденов, что я обалдел. За золото Олимпиады в Мельбурне дали «За заслуги перед Отечеством» четвертой степени. Произошло это благодаря Симоняну и Парамонову. Они встречались с

Дмитрием Медведевым, у которого есть благотворительный фонд помощи спортсменам. А мы тогда, в 2006-м, как раз в «Президент-отеле» отмечали 50-летие победы в Австралии.

Там был небольшой банкетик, на котором все оставшиеся в живых олимпийцы 1956 года были. Я посмотрел на них – просто ужас! Ни одежды, ничего нет у людей. Когда они выходили на сцену – сердце кровью обливалось. Там-то Парамонов подошел к Медведеву и сказал, что Исаев забил золотой гол, а ему даже ордена не дали. Никита Палыч что-то добавил. Дмитрий Анатольевич, который президентом тогда еще не был, ответил: «Разберемся!»

И вдруг в 2009 году мне этот орден вручают! Правда, не сам Медведев, а Виталий Мутко. Сказали, что мне трудно будет дойти до Кремля. Но все равно приятно.

К нынешнему «Спартаку» у меня в целом нормальное отношение. Хотя, конечно, сложный это вопрос, но, как говорится, хозяин – барин. Что Федун хочет, то и делает. Нам, ветеранам, по крайней мере, помогает – за одно это спасибо. И ему, и любому спартаковскому тренеру во все времена – желаю только удачи. Без нее в спорте ничего не выиграешь, будь ты как угодно хорош.

Так вот – удачи тебе, «Спартак»!

Геннадий Логофет. «Рокфеллер бы в гробу перевернулся!»

Уже больше десяти лет, приходя на Донское кладбище близ станции метро «Шаболовская», чтобы вспомнить своего дядю, знаменитого поэта-песенника и спартаковского болельщика Игоря Шаферана, я прохожу мимо еще одной важной для меня могилы. И тоже кладу к ней цветы.

Здесь с декабря 2011 года лежит Геннадий Логофет – великий спартаковец и добрейшей души человек. Над могилой раскинула лапы голубая ель. На ней почти всегда висит красно-белый шарф. Памятник же, мимо которого сложно пройти, не обратив на него внимания, украшен спартаковским ромбиком.

А ближе к концу предыдущего, 2010 года я был в настоящем доме-музее. Вернее, квартире. За окном надрывно выла пожарная сирена, да и вообще кипела какая-то мелкая городская суета – а здесь все было на своих местах, упорядочено, расставлено с таким изяществом и вкусом, что глаз радовался. Медали, кубки, другие призы и награды... Жена постаралась – тогда как при первой супруге все его футбольные регалии пылились в ящиках.

А интеллигентнейший и добрейший Геннадий Олегович, которого один из моих коллег любовно прозвал Котом Лео-

польдом, кажется, готов был о каждом трофее с десяток историй рассказать. Медали золотые, кстати, тогда совсем небольшими по размеру были. Вроде бы маленький такой металлический кругляш, но сколько же нечеловеческого труда и преодоления в него вложено! И скольких людей такая медалька делала счастливыми! Держишь ее на ладони, и история вмиг проникает тебе в самое сердце.

Полтора десятка лет в «Спартаке», вся карьера в одном клубе, две золотые медали в 1962-м и 1969-м, третье место в истории клуба по числу проведенных матчей после Игоря Нетто и Федора Черенкова... Плюс природная общительность и характер, из-за которого к Логофету просто невозможно было плохо относиться. Когда едешь разговаривать с таким человеком, настроение уже изначально хорошее – никакого напряжения, необходимости тщательно подбирать слова, дабы ненароком не обидеть, нет. Он еще юного Юру Семина, когда тот приехал из Орла в «Спартак», под опеку взял – будущий творец «Локомотива» (кто мог тогда такое предположить?) благодарен ему за это до сих пор. И сколько есть людей, благодарных Логофету так же, как Семин!

Большим тренером Геннадий Олеговичу, в отличие от Юрия Палыча, стать было не суждено – хотя выпускался Логофет из самого первого набора в ВШТ. Но в послеигровой жизни все равно чувствовал себя комфортно – даром, что ли, в отличие от почти всех советских футболистов, шту-

дировал английский и итальянский языки? Его неординарность проявилась и в этом. Прожив бóльшую часть жизни в Советском Союзе, Логофет, уверен, никогда не был «совком». Он как рыба в воде чувствовал себя в Европе. И если бы играть ему довелось лет на тридцать позже, не сомневаюсь, легко адаптировался бы к Западу.

Но судьба распорядилась так, что жил он ни на каком не на Западе, а в квартире у метро «Нахимовский проспект». И теперь, в отличие от первого издания этой книги, когда Логофет еще был жив и даже презентовал «Спартаковские исповеди» вместе со мной в Центральном доме художника на Крымском Валу, могу рассказать историю, сопутствовавшую нашей встрече.

Геннадий Олегович встретил меня у подъезда и предложил сначала зайти в супермаркет.

– Супруги во время нашего разговора дома не будут, а так пива хочется! Она из-за моих болезней настрого запрещает...

Логофет – не подросток, чтобы читать ему нотации, что можно, а что нельзя, – поэтому наш разговор проходил под его любимый пенный напиток. И тут... пришла жена. В первые минуты Геннадий Олегович услышал от нее много неприятного. Автору этой книги тоже досталось. Слава богу, взяли в магазине мы умеренно, по бутылке-две, и смягчить хорошую женщину добрым разговором удалось быстро.

Но когда год с небольшим спустя Геннадия Олеговича не стало, я не мог не вспомнить ту историю и не задуматься – а может, все-таки надо было тогда остановить его пивной порыв, не потакать ему?..

Нахимовский проспект – нетипичное, надо сказать, для спартаковца место: красно-белыми краями всегда считался север, а не юг столицы. С этого наблюдения я и начал разговор.

* * *

Раньше я жил в трех минутах от «Павелецкой». Собирал антиквариат. На сберкнижку деньги не клал никогда, не умел копить. Как появлялась какая-то серьезная сумма – сразу что-то антикварное покупал. И почти все первой жене оставил. Забрал только свои награды футбольные.

К 1980-му у меня уже появилась новая семья. И как раз все эти перемены в личной жизни к покупке кооперативной квартиры подтолкнули. Надо же жить где-то, а не ютиться по углам! Почему здесь, на «Нахимовском проспекте»? Да первое, что попало – вот почему. За огромные по тем временам деньги купил – 12 600 рублей. Первый взнос, как сейчас помню – шесть шестьсот, остальное в рассрочку.

А ведь мог получить ее тогда бесплатно. Я был тогда в штабе олимпийской сборной СССР, и Николай Петрович Старостин выхлопотал для нее фантастические условия. За

каждую победу на московской Олимпиаде премиальные – четыреста с лишним рублей, причем привозили их в Новогорск на следующий же день после игры.

Медали мы тогда завоевали, вот только – бронзовые. И все равно, если бы я попросил Старостина, то за третье место получил бы квартиру, причем в хорошем доме. Но после того, что при таких условиях мы не выиграли, мне стыдно было просить.

Посоветовался с женой.

– Делай как хочешь, – сказала она.

И не пошел я к Николаю Петровичу. Вот такой тогда был. Сейчас бы так не поступил.

Намного раньше, после сезона-1966, меня «Шахтер» из «Спартака» в том числе и квартирой сманивал. «Спартак» мне надоест не мог – это любимейшее дело всей жизни, сбывшаяся мечта. Но был эпизод, когда мне захотелось уйти. От тренера Гуляева.

Я в предыдущем сезоне в список тридцати трех лучших игроков СССР попал, а он, приняв команду, с первой же тренировки меня с дублем заставил работать, ничего не объяснив, вообще не поговорив. Я отказался. И тогда Николай Алексеевич вдруг ответил:

– А, ну ладно. Давай с основной тренируйся.

Но его отношение ко мне стало ясно. В Донецке тогда тренировал известный специалист Олег Ошенков. И как только он проведал о моих отношениях с Гуляевым – три раза под-

сылал ко мне «на растерзание» своих людей. Говорил, что для доплаты устроит меня в шахту на ставку Героя Социалистического Труда. То есть если в самой команде зарплата была 250 рублей, то на шахте я бы каждый месяц еще смог получать 850–900 рублей – чуть ли не вчетверо больше.

Ответил, что из «Спартака» не уйду ни за что, хотя с этим тренером работать не хочу.

Потом опять приехали из Донецка. Теперь пообещали устроить уже на две шахты – плюс дать квартиру в Москве, причем на улице Горького, от Министерства угольной промышленности.

Я держался как камень.

Впоследствии секретарша председателя московского городского совета «Спартака» – а мы там зарплату получали – рассказала, что как-то Гуляева вызвали и задали вопрос:

– Как же так – шесть человек написали заявление об уходе: Амбарцумян, Рейнгольд, чуть ли не Маслаченко?

Я тогда тоже был «на старте», готовился написать. А Гуляев и ответил:

– Ну и что? Наберу новых, а эти пусть уходят. Мы в 1966-м заняли четвертое место, и эти люди мне мешали. Гарантирую, что без них будем в тройке.

Там подумали и сказали:

– Лучше потерять одного тренера, чем шесть игроков основного состава.

И убрали Гуляева. А Старостина тогда в команде не было

– его уволили в конце 1965-го, после «дела Севидова».

Как только выяснилось, что Гуляева нет, все ребята сразу созвонились, забрали заявления и сказали, что остаются в команде. Но, честно говоря, если бы он остался, я бы ушел. Потому что Гуляев меня, извините, достал. А у меня уже тогда был принцип: «Лучше с умным потерять, чем с дураком найти».

* * *

Вместо Гуляева тогда поставили Сальникова. Но в роли старшего тренера он проработал недолго – с января по май. Потому что тренерской жилки у Сергея Сергеевича не было. Игроком был блестящим, моим кумиром. Но чтобы стать тренером, мало быть классным футболистом.

И тогда в команду вернули Никиту Симоняна, которого уволили вместе со Старостиным. Заодно и Николай Петрович вернулся – ребята поставили такое условие. Володя Маслаченко, молодец просто, воспользовался большими связями своего тестя, который и продавил возвращение Николая Петровича. А на его месте начальника команды был Андрей Сосульников – человек, не имевший к футболу никакого отношения, зато партийный работник.

Мы с Рейнгольдом, помню, приходили в кабинет, где тогда сидел Старостин, и умоляли его вернуться. Он согласился. Мы спросили:

– Куда сейчас идти-то – в ВЦСПС? Вы наше мнение знаете, вся команда вас очень просит, а мы пришли по ее поручению.

Но там все зависело не от него, а от партийных товарищей. И когда шесть человек основного состава написали заявления об уходе, скандал дошел до Московского горкома КПСС и даже до ЦК...

Старостину про предложение «Шахтера» я не говорил. Бессребреником себя не назову, но «Спартак» на материальные блага променять просто не мог. Сейчас, наверное, ни один футболист такими категориями не мыслит.

Потом, когда приезжали со «Спартаком» в Донецк и встречались с администратором горняков Гарбером, приятным человеком, он всегда говорил:

– Ну что же ты не перешел? Меня тогда Олег Александрович Ошенков чуть с работы не выгнал за то, что я тебя не привез. Тебе же такие условия предлагали – доплаты на двух шахтах, как Герою Соцтруда и заму начальника смены, квартиру в Москве!

А квартирка у меня тогда была малогабаритная двухкомнатная, которую Старостин после свадьбы дал в 1965-м. Но я не мог...

Мы с женой иногда сидим, смотрим футбол, спрашиваю ее:

– Как ты думаешь, сколько я бы сейчас получал? Наверное, миллионов пять евро...

А еще ведь и за рубеж можно было поехать, о чем тогда и речи не было. Хотя, помню, в 1960 году, когда юношеская сборная поехала за границу, подошел мужик и на русском языке сказал:

– «Ювентус» интересуется Рейнгольдом. Миллион за него дают, к кому обратиться?

Ему ответили:

– Ты чего, дурак, что ли? Это же Советский Союз, а тем более кто его, восемнадцатилетнего, отпустит?

Скорость у Рейнгольда действительно была потрясающая. На мой взгляд, он самый быстрый футболист в мире из тех, кого я вообще когда-либо видел. А вот мне тайных предложений из-за границы никто не делал. Защитники тогда особо не ценились...

Еще раньше меня в ЦСКА звали. В 1960-м был интересный случай. Я еще играл за дубль, и был у нас вратарь Алабужев. После какого-то матча захожу в раздевалку, а он мне говорит:

– Ты что, с ума сошел, что ли? Сам себе погоны пришиваешь такой игрой – тебя обязательно заметут в ЦСКА...

Так и вышло. В 1962 году Соловьев, тренер, подзывает и говорит:

– Слушай, Ген, я сейчас принимаю ЦСКА и вижу тебя на месте правого защитника в своей команде. Давай переходи!

И сразу пообещал мне квартиру в центре Москвы, которую тогда давали только женатым, а у меня жены еще не бы-

ло.

Я Соловьеву на это ответил:

– Вы что думаете – за ЦСКА буду биться так же, как за «Спартак»? Я же, играя за ЦСКА, никогда не буду так отдаваться – всей душой, всем сердцем. Потому что это противники. Пройдут два года службы, и я тут же вас покину.

Соловьев был мудрый человек. Поблагодарил за открытость и вычеркнул меня из «генеральского призыва». Мне потом объяснили, что где-то на высоких этажах в Минобороны составлялся список особо нужных армии представителей разных профессий, из которых «забрить» могли любого, в том числе спортсмена. И меня в таком списке угораздило оказаться. Но Соловьев мою фамилию оттуда вычеркнул. Правда, в 1965-м, после окончания института, где была военная кафедра, все же пришла повестка. Я – к Старостину.

– Не ходи, – посоветовал Николай Петрович.

Таких повесток со временем набралось три штуки. И тут Николай Петрович говорит:

– А вот теперь иди в военкомат.

– Так страшно же! Забреют!

– Иди, иди, все уже нормально...

И действительно. Пришел, расписался, получил военный билет, в котором было написано: «Рядовой необученный, годен к строевой службе в военное время». И все. Оказывается, Старостин сходил в ЦК и все уладил, оттуда спустили указание меня не трогать.

Тут сразу вспоминается, как молодому Эдику Стрельцову тоже присылали повестки, но он никуда не ходил. Прошел месяц, его спросили, как у него дела с армией, и Стрельцов ответил:

– Армия – армией, а ЦК – цекой.

Просто директор автозавода был кандидатом в члены ЦК КПСС...

* * *

В «Спартак» я влюблен с детства. Как водится, отец привел на стадион – и пошло-поехало. В 1952-м, кажется, наша семья переехала на Бережковскую набережную, а там весь дом за «Спартак» болел – и я, естественно, тоже. А окончательно влюбился в команду, когда в 1956-м десять спартаковцев с Яшиным в воротах Олимпиаду в Мельбурне выиграла. Состав хоть сейчас могу назвать!

В том же 1956-м открылись «Лужники», от дома недалеко. Я уже занимался в школе ФШМ у Бескова, нам давали «билет участника первенства СССР по футболу» с правом прохода на любой матч. Более того, нас заставляли ходить на все игры, и потом мы их обсуждали. И я ни одного матча «Спартака» не пропускал. Вообще, причины огромной популярности команды видят в разном, но, по-моему, дело было в качестве ее игры. И в том, что народ ходил на имена. А в «Спартаке» в то время было десять олимпийских чемпио-

нов. Наконец, родословная клуба – из народа все-таки...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.